

«Сейчас, когда открылись окна и двери и мы, сатирики, вылезли из «подполья», многое быстро устаревает...»

стр. 8-9

Автограф

СМИХАИЛОМ Жванецким мы условились поговорить перед диктофоном после его возвращения из США, куда он ездил с группой советских писателей. В назначенный день и час я пришел к писателю и был несколько удивлен присутствием в комнате постороннего человека. — Я вам не помешаю? — спросил он с акцентом. — Ну, если Михал Михалыч не будет смущаться при вас отвечать на вопросы... — воспитанно ответил я, про себя чертыхнувшись: «Принесла нелегка! Небось, начинающий сатирик. Из Одессы!» Тем временем разговор вошел в свою колею. Я забыл о присутствии постороннего. А если у меня в голове и появлялось что-то отвлекающее, так то, что рожденная в Одессе хохма: «Все экспромты пишущся загодя» — не верна! Жванецкий ее опровергал начисто. Судите сами.

— Михал Михалыч, наши читатели интересуются, что думают сами писатели о мерах, которые Госкомиздат принимает по демократизации издательского процесса? Получится ли эта демократизация?

— Мне трудно судить, удадутся или нет реформы в издательском деле. Но по себе вижу, что положение меняется. Хотя бы потому, что раньше я слышал от редакторов: «Вычеркните, пожалуйста, это или то...» Вместо этого сейчас я порой слышу: «Сократите, пожалуйста, объем книги...» или «Давайте сделаем пробный тираж...». Впрочем, еще можно услышать от кого-нибудь в Госкомиздате, мол, такая сатирическая литература играет на руку... эмигрантским настроениям... Интересно мое мнение. Я не слышал раньше таких выражений. Слышал «антисоветчина», «белогвардейщина»... Но об «эмигрантских настроениях» услышал недавно...

— Видимо, это рождено «пере-перестройкой», как я условно называю «перестраховочную перестройку»...

— Видимо, так и есть. Мне кажется, что пустой магазин (и книжный в том числе!) гораздо больше способствует возникновению «эмигрантских настроений», если уж на то пошло! Здесь есть над чем подумать... Честно говоря, мне трудно ответить на ваш вопрос о демократизации издательского дела, чем она обернется. Аппарат в издательствах, в Госкомиздатах — старый, там сидят прежние люди...

— Но председатель в Комитете поменялся...

— Председатель толковый. Я тут видел встречу с ним по ТВ — интересно говорил. Я знаю его по работе в «Советской России». Прекрасная газета была при нем!

— Издательства переходят на хозрасчет, полную окупаемость. С одной стороны — хорошо: писатели и издатели требовали освободить их от опеки Госкомиздата. С другой стороны, раздаются голоса: не обернется ли это бесконтрольной монополией издательств?..

— Я не знаю, кто должен диктовать условия: читатель, издатель или писатель. Возьмем производство автомобиля: кто должен диктовать условия — покупатель или производитель? Производитель должен предлагать автомобиль, но покупатель должен иметь право (и выбор) покупать его или не покупать.

Думаю, хозрасчет сейчас — главное. Хотя разви-

тия этого дела — хозрасчета — я пока не вижу.

— Он только вступает в свои права: цыплят по осени считают; а цыпята в данном случае — книги. Может быть, подождем осени. Хотя, кто знает, что там до осени могут напортить наши Иваны Федоровы из столичных и местных издательств...

— Мне очень давно хотелось, чтобы у нас в продаже были книги, которые раскупаются. Пусть будут и те книги, которые идут слабо. Но пусть будет и диктат покупателя.

— Вы в своем роде — дитя издательской перестройки: насколько мне известно, у вас готовится к выходу книга.

— Да, в издательстве «Искусство». Я назвал ее «Год за два». По-моему, название ничего? Это мое собрание сочинений: у меня их немного, и все они уместились в книгу в 18 печатных листов. Я расположил в хронологической последовательности произведения, написанные в

звучащим — тем, что я есть. Я потерял вкус к печатному слову, не приобрел привычку и навыки в написании и рассказов — для чтения глазами. И вообще я редко обращаюсь в Союз писателей и чувствую себя его членом. Невозможность опубликовать книгу обусловила мой переход на эстраду, на сцену. Стал работать по принципу: сказать — и убежать... В Союзе писателей меня считают артистом. Я это мнение поддерживаю.

— Поддерживаете?

— Да, чтобы меньше ко мне цеплялись. А так: — Ну, он артист!

— Да, артист!.. И на этом мы сходимся. Зато я не попадаю в мясорубки пленумов и обсуждений СП...

— Давно у вас лежит книга в издательстве?

— Полгода, кажется.

— Это не худший срок... А почему вы раньше не приносили рукопись в другие издательства? И дилетанту ясно, что рукописи Жванецкого должны быть рады

нить твое высокохудожественное на сцене не успевают. Вот почему я сейчас попал в сложное положение, в кризис: для меня гласность — словно удар по коленам. Необходимо двигаться в сторону художественности, в сторону описания заката и прочее... Там, где раньше обходился хлесткими замечаниями по какому-то адресу, теперь нельзя существовать без литературного мастерства. Вот так и получается: с одной стороны — меньше проверяют; с другой — сам вдряпался...

— Интересно было бы прочитать книгу Жванецкого глазами. Когда я бываю на ваших выступлениях (открытых и каких-то полукрытых), не всегда удается следить за ходом мысли — быстро пишете, Михал Михалыч. А я верю глазам. У меня в литобъединении такие умельцы были: телефонную книгу прочитают — заслушаешься! А под гитару и меню вагона-ресторана могли спеть...

нием сатиры с лирикой, юмора с лирикой. Больничное состояние. Тяжелое. Мудрость присуща всем. Юмор — не каждому. Смешить отчаянно — свойство хорошего возраста. Когда же возраст проходит — что-то становится не так... Вообще-то у нас юмор носит специфический характер. У нас народ хохочет совсем не над смешными вещами. Когда мы читаем статьи Шмелева или Нуйкина... Ну чего там смешного, чего хохотать? Пшеницы нет, мешков нет, чего-то еще нет... Дико смешные вещи! Хохот — и все! Хохочем над экономическими выкладками, хохочем над какими-то совершенно сухими цифрами. У нас свое понятие о юморе. То, что это непереводимо, — это еще ладно. Но то, что это совсем не смешно, то, что в статьях — трагические вещи... А мы — хохочем! Нужно знать нашу жизнь, чтобы так смеяться над выступлениями экономистов, социологов...

— Я как-то не задумывал-

НАД ЧЕМ СМЕЁМСЯ?

ОТВЕТ
НА ПОЧТИ ГОГОЛЕВСКИЙ
ВОПРОС В ИСПОЛНЕНИИ

Михаила ЖВАНЕЦКОГО

и в «Советском писателе», и в «Молодой гвардии», и в «Современнике», и в «Советской России»...

— Да по слухам там какие-то очереди на много лет вперед. А сатира — жанр, не терпящий очередей.

— Легче ли стало работать сатирическому цеху?

— И легче, и труднее. Труднее — потому что появился конкурент в лице прессы. Сейчас, когда открылись окна и двери и мы, сатирики, вылезли из «подполья», многое быстро устаревает. Ну, а легче потому, что все меньше вмешиваются в наши творческие дела. Конечно, бывают звонки: «Снимите такую-то фразу!» — из управления культуры. Но если ты настаиваешь на том, чтобы тебе дали письменное распоряжение об этом «снятии», люди со звонками исчезают. Я так понимаю: перестройка для некоторых заключается в том, что им запрещено запрещать, но не разрешено разрешать. В результате половинчатых решений некоторых проблем они находятся, как и все мы, в подвешенном состоянии.

Изменения чувствуются: говори со сцены, что хочешь. Никто к тебе не цепляется, никто сзади не дежурит, как раньше. В зале никого не видно с магнитофоном. И самое главное, конечно, — перестали спрашивать: «Залитовано или не залитовано?». Помните, был такой дикий вопрос!

И все-таки работать стало труднее: наш жанр сейчас должен быть художественным. Раньше успех можно было поймать...

— Кукишем в кармане...

— Ты высказывал на острой теме, недоработанной, небрежно состряпанной, но очень острой. Схватывал огромную долю успеха и шел домой счастливый. А если создавал что-нибудь высокохудожественное, то ощущал, что на эстраде особенно не раздухаришься и оце-

— Точно, точно... Для хозрасчета моя книга — подарок. А вот что касается чтения — тут я, видимо, вас надуваю, как надувал во время выступлений. Я потому и быстро читаю, чтобы вы не успевали разглядеть. Кроме того, из-за ощущения собственной безопасности: быстрее прочитаешь — быстрее сбежишь... Как пишется? Это — как прыжки в воду: мысль одна, но пока летишь в воду — примеры, примеры, примеры... Бах! Вода! И ты, в общем-то, уже дома... А сейчас в книге я должен буду раскрыть свое истинное лицо. Действительно ли что-то было и есть — или это был период надувательства. Я и сам с большим волнением жду выхода книги. Думаю, что разочарование, безусловно, будет. Это — как напечатанные тексты песен. Кому-то может не хватать моей интонации. Хотя я пытаюсь располагать некоторые тексты в виде стихов, отчего издатели смотрят на меня с большим недоумением.

— Их недоумение будет еще больше, если вы попросите оплачивать свои произведения, как стихи, — острожно!

— Я для того и располагаю некоторые рассказы, как стихи, чтобы интонацию придать словам, оторванным от голоса. Чтобы тот, кто слышал, вновь почувствовал голос автора.

— Высоцкий такую конкуренцию со своим голосом в книгах выдержал...

— Посмотрим. Я думаю, разочарование будет. Тем не менее книгу печатать надо.

— Ну а конкуренцию братьев по цеху ощущаете?

— Безусловно. Очень остро чувствуется конкуренция Хазанова. Сам он себе не пишет, но ему пишут талантливые люди. Я еще держусь в жанре монолога... Но впадаю в... мудрость — болезненное, стариковское состояние. Я могу растрогать. Я потрясаю старостью, соеди-

ся над этим: ведь, действительно, хохочем!

— Еще как! Люди пишут с болью... Вот я прочитал статью А. Нуйкина в «Новом мире» — прекрасная, потрясающая статья. Конечно же, ее название не отражает сути дела (чтобы статья была, видимо, проходимой), как, например, и у Шмелева: «Авансы и долги»... А вчитаешься — и начинаешь понимать, насколько неуклюжи попытки сохранить идеологическую девственность при соревновании с экономическими законами... Все равно хохочем!

— Вернемся к Жванецкому. Какую же задачу ставит он перед собой в условиях надвигающейся мудрости? Лирика в соединении с сатирой дает потрясающий сплав: мороз по коже...

— Вот этого мороза по коже я сейчас и ищу. Потому что хохот вызывает особенно нечем. Я не могу конкурировать ни с Мишей Задорновым, ни с Мишей Горюхиным, ни с Семеном Альтовым. Они лучше меня находят смешные ситуации, характеры. Да я и постарел просто для этого...

— Или помудрел?..

— ...А вот мороз по коже — этого, наверное, еще как-то можно достичь. Но дело даже не во мне, а в том, что сейчас бросается в глаза всем нам... Не будете же вы спрашивать: где вы берете темы?.. Хочется взлететь над страной — и написать о том, что видно свысока...

— Для Карцева и Ильченко вы, кажется, написали «Птичий полет»?

— Взгляд на нашу страну с высоты птичьего полета, то есть с 434 метров над уровнем моря. Вот откуда я пытаюсь разглядеть...

— Вид сверху? Глаза в глаза не посмотришь — только затылки.

— Это да. Но при виде сверху видны результаты нашей деятельности. В наше время необходимо разбираться во всей нашей арифметике, понять, откуда что, куда мы забрались... Сейчас тоже можно услышать от некоторых: вы занимаетесь антисоветчиной... Я думаю: а что же тогда «советчина», что такое советский строй? Не выдаем ли мы за народо-властные власть, нахрапистых людей, поналезших со всех щелей, власть самых нахальных, горластых, пробивных? Ведь мы все прекрасно знаем, как они шли наверх, знаем, что они делали и сделали.

Являюсь ли я антисоветчиком, борясь с ними?!

— А что — встречаются сейчас и такие обвинения?

— Встречаются. Выступал недавно в Киеве. Кто-то мне и прилепил: «антисоветчина и белогвардейщина». Директор Дворца спорта бледный бежит: «Давайте интервью сделаем... Я договорился с «Вечерним Киевом»... чтобы подчеркнули вашу «советчину».

— И это на третьем году перестройки?!

— Чуть отъедешь от Москвы — услышишь все то же старое. И услышишь его все от тех же людей. Мы ведь знаем, что они защищают, почему из своей поликлиники не хотят уходить. Сидят в фикасах, в зелени... Правда, они тоже быстро седеют. Это радует.

— Они — это кто?

— Они — это... Вы же знаете, мы прямо всегда не говорим. В райкоме партии, в райисполкоме еще можно найти общий язык, там вас могут понять: они не такие обеспокоенные. А как начинается горько, горсовет — все!

— Опять они?

— ...И у меня начинается хохот...

— И опять хохот, Михал Михалыч!

— Я готов представить в числе вновь принятых в СП чиновников, полковников в отставке, председателей горисполкомов, которые что-то написали... Поэтому нас в СП 10 тысяч... Скажу вам, писательская и издательская Америка проявила к Толстой огромный интерес, она понимала или интуитивно чувствовала, что это — Талант, что вокруг головы Толстой есть свечение... Конечно, в нашей делегации были и другие люди со свечением, но их было немного...

— Михал Михалыч, вы искушаете меня попросить вас на будущее сделать для «Книжного обозрения» разбор книжек вновь принятых членов Союза писателей...

Ну да это на будущее... А если о прошлом: с какими целями вы были в Америке?

— С какими целями ездят

рику по ТВ, чтобы все видели, что может сделать человек своими руками: магазины, архитектура, машины, обилие еды — зелени, апельсинов, помидоров, клубники в любое время года... Это то, что нам грозит в будущем, если только мы не ударим по голове нормальному труженику, который сейчас снова начинает копаться в земле. Все это должно пробудить у наших людей чувство здорового соперничества.

Пусть по тому же ТВ для объективной картины покажут бездомных, нищих, стены домов, исписанных пульверизаторами, грабежи... Кстати, грабежи в Америке есть, но хамства — нет! Грабят без хамства, без оскорбления. Это мне понравилось. Это же совсем другое дело: тебе предлагают купить пистолет, а в конце говорят: «sorry» — «извиняюсь».

Больше всего мне понравились в Америке... грузовики: это дворцы на колесах. А не понравилась... собственная усталость. Конечно, и в Америке может многое не нравиться. Например, в боль-

фильм: «Над чем разрешено смеяться». Ровно год назад они проехали со мной по Москве, Ленинграду, Одессе, побывали на моих выступлениях...

— Этот фильм, — вступил в разговор господин Фишер, — призван открыть Жванецкого для тех, кто не знает его на Западе, кто не представляет, что такой юмор может звучать в СССР со сцены. Фильм был показан в Западной Германии летом прошлого года (во время пребывания президента ФРГ в вашей стране) и имел хорошую прессу: писали о том, что кадры с лицами слушателей десятилетней аудитории (а мы старались показать не только Жванецкого, но и как его воспринимают слушатели) потрясают. Другая газета писала, что Жванецкий высказывает то, о чем думают тысячи его слушателей, и это чудо мышления чародея видно на многочисленных лицах в аудиториях. А самой интересной критикой мне показалось следующее: мы не знаем, о чем говорил господин Горбачев с госпо-

терпения ждать ровно... год (!), пока чиновники из ВААП предоставили издательству рукопись. По-моему, ВААП — организация, созданная для затруднения писательских контактов с внешним миром, полностью взявшая на себя труд притеснять писателей, делать невыносимо сложными простейшие вопросы. Понять деятельность чиновников ВААП нельзя: ведь им выгодно, чтобы мы печатались за границей, но вся их деятельность направлена на пресечение этого! ВААП живет по каким-то своим собственным, понятным ему одному законам... К счастью, через год — повторяю...

— А в году 365 дней — напоминаю...

— ...«Диоген» получил мою рукопись, идентичную той, что находится в «Искусстве». Издательство «Искусство» взяло на себя сейчас непомерный труд по редактированию моей книги, а в «Диогене», видимо, это же время потратят на перевод. «Искусство» будет сверять мои произведения с жизнью,

Фото М. Пазия.

Там уже общего языка нет. Ну а в обком, министерстве, ЦК компартии союзной республики и подавно не говоришь, там сидят люди, творящие какое-то свое дело. Результаты этого дела мы все видим. Я говорю сейчас, находясь под впечатлением от поездки на Украину. Между прочим, ярлык «антисоветчина и белогвардейщина» приклеил мне там один руководящий работник. Пришлось давать отчет, убеждать, что я — за перестройку. И он, оказывается, тоже за перестройку!

— Видите, Михал Михалыч, что значит быть на высоте птичьего полета. Этот перестраховщик тоже, небось, парит на высоте 434 метра над уровнем человеческого моря... Вот ваши траектории полета и пересеклись...

Ну а время читать находите?

— Нахожу, но времени — мало. Безумно нравятся статьи Шмелева, Карякина, Нуйкина... Не тороплюсь читать «Доктора Живаго». Последнее, что прочитал из художественной литературы, — «Котлован» и «Ночевала тучка золотая». Дальше пытаюсь писать сам. Ведь чтение отнимает время у писателя, а писание отнимает время у чтения. И еще мне приходится много выступать, потому что мне книги еще ничего не дают, и я зарабатываю выступлениями.

Еще о чтении: с интересом читаю рассказы Татьяны Толстой в нашей периодике. Мы с ней подружились сейчас в поездке по Америке. Это блестящая писательница. Это восходящая звездочка (не хочу говорить «звезда» — холодно)...

— ...Звездочка, которую не принял небосклон Союза писателей: недавно при приеме в СП ее забаллотировали.

— То, что Толстую не приняли в Союз писателей, — цирк! Я начинаю думать, кого же они приняли?..

в Америку? Открывать ее! Т. Толстая верно сказала: это тот свет. Мы увидели многих людей, которых считали покойниками. Я говорю об уехавших из нашей страны в прошлые годы. Встречались с Бродским, Барышниковым... Они сейчас с огромным удовольствием, думаю, вернулись бы к нам. Мы знаем, кто и почему в те годы уезжал. Надо смотреть на это открыто. Но ведь уезжали и те, кто не мог здесь работать. Мы терпели, а кто-то терпеть не мог. Не каждый может — терпеть, не в каждой жизни и творчестве возможно это терпение. Это было наше открытие Америки.

— Ну а Америка открыла вас?

— Пыталась открывать. Конечно, много вопросов было о перестройке: что это такое? Я отвечал: «Мы боимся ругать Советский Союз, но уже не боимся хвалить Америку». Я отделялся остротами, а Толстая, встречаясь с издателями, говорила о серьезных вещах...

— А к вам издатели проявляли интерес?

— Нет. В Америке меня не знают. Я мог бы потребовать от нашего правительства доплаты за то, что, сойдя с самолета в нью-йоркском аэропорту, потерял популярность. Меня автоматически перестали узнавать. Последними были наши стюардессы в самолете: они ошибочно думали, что я что-то могу, и просили меня подействовать, чтобы им сшили новую униформу: «Михал Михалыч, это какие-то комбинезоны! Посмотрите, как одеты на линиях французики и американки...» Это была последняя вспышка моей популярности. С Толстой было наоборот: ее знали, о ней слышали, ее читали. Ее слова — резкие, прямые, непримиримые — о демократизации нашего общества, да и вообще появление в Америке такого писателя из СССР было лучшим свидетельством перестройки.

— Ваши ощущения от Америки?

— Я бы показывал Аме-

рику по ТВ, чтобы все видели, что может сделать человек своими руками: магазины, архитектура, машины, обилие еды — зелени, апельсинов, помидоров, клубники в любое время года... Это то, что нам грозит в будущем, если только мы не ударим по голове нормальному труженику, который сейчас снова начинает копаться в земле. Все это должно пробудить у наших людей чувство здорового соперничества.

Хотел бы сказать еще вот о чем: очень хорошо проявил себя в этой поездке наш первый секретарь правления СП Владимир Карпов. Говорю совершенно искренне...

— Охотно верю: Жванецкому, называющему себя артистом, было бы логичнее хвалить руководителей Союза театральных деятелей. Хотя, Михал Михалыч, как-то не в духе времени сейчас хвалить руководителей...

— Мне понравилось поведение Карпова, его демократизм, мужество брать на себя решение важнейших вопросов — и быстрое решение их. И еще мне понравилось то, что, когда мы оставались одни, мы говорили одинаково.

— Михал Михалыч, а не обидно, что ваша сатира и юмор носят, извините, локальный характер: так сказать, для внутреннего пользования?

— Это не совсем так. Вот здесь сидит телевизионный режиссер из ФРГ Штефан Фишер (Жванецкий показал на «начинающего сатирика из Одессы»). Я так и думал, что у Жванецкого не обойдется без сюрпризов и в кустах случайно окажется рояль!). Он снял совместно с нашими телевизионщиками

дином президентом ФРГ, — писалось в одной газете, — но то, что говорил со сцены Жванецкий, было не менее важным!.. Могу показать газету!

Кстати, можете написать о том, как действуют издательские акулы на Западе: на другое утро после показа телефильма меня нашел дома директор швейцарского издательства «Диоген» и сказал, что выступление Жванецкого его ошеломило, что он не подозревал, что в Советском Союзе существует такой сатирик, и что он хочет немедленно вступить с писателем в контакт и издать его книгу. Издательство «Диоген» издает бестселлеры, но не желтые романчики, а серьезные качества. А заработанные деньги вкладывает в новые переводы русской классики, например Чехова... И то, что владыка издательства сам разыскал понравившегося ему писателя через 16 (!!!) часов после показа фильма, говорит о многом...

— Михал Михалыч, а вы скромничали...

— Как суеверный человек, не хотел говорить что-то наперед. А то, как говорит моя мама, вся сила уйдет в слова. В самом деле, после фильма я получил предложение от издательства «Диоген» предоставить им свои произведения. Как каждый воспитанный человек, я сказал, что могу сделать это только через ВААП. И у них, как у воспитанных людей, хватило

смотреть, соответствует ли моя сатира действительности, а в «Диогене» будут сверять со словарем... Так что книги могут выйти одновременно...

— Тогда бы запахло мировой славой...

— Как поет один новый бард в Одессе: «Мы едим у себя в стране бутерброд, с двух сторон намазанный повидлом... Запах от нашего повидла проникает через закрытые двери...» — А. Каменный, бывший милиционер, сбежал из уголовного розыска...

— Ну, если уж в Одессе милиционеры запели — значит, перестройка пошла полным ходом!

— Запел с полным знанием жизни!..

Кстати, я спросил директора «Диогена», как он может судить по таким отрывочным выступлениям о моем творчестве? — Чтобы узнать, вкус швейцарского сыра, — ответил он, — нужно съесть маленький кусочек...

— Директор «Диогена», — добавил Ш. Фишер, — напрыгнул на Жванецкого, как тигр!..

— Хорошая характеристика для настоящего издателя!

Последние слова принадлежат Михаилу Жванецкому. Но я с радостью подписываюсь под ними. Думаю, это сделают и тысячи наших читателей.

Автограф брал Александр ЩУПЛОВ.

Ребята! Давайте вместе
горючим моей книжки
и подумаем, что там получится
Ваш Жванецкий

* ОТ РЕДАКЦИИ: когда материал готовился к печати, пришло сообщение, что секретариат МО СП РСФСР принял Т. Толстую в члены Союза писателей.